

Терроризм вы ничего о нем не знаете!

Владимир Янкелевич (Военный эксперт, Капитан Первого ранга)

К удивлению, хорошо знакомое слово «террор», как оказалось, не имеет общепринятого определения.

Употребляя слово, мы часто забываем его базовый смысл, наделяя его своим, новым, иным смыслом, постепенно вводя его в повседневный оборот. У немцев есть очень емкий термин Schwammwort – "слово-губка", впитавшее в себя столько значений, что уже вообще перестало что-либо означать. Научный термин этого явления, «десемантизация», означает приписывание слову смысла, которого у него не было, использование этого слова в новом смысле, при одновременном попирании смысла старого.

Это происходит на наших глазах. Так, например, сегодня некий автор термином «фашизм» может обозначить что угодно, а нам остается лишь гадать, что он хотел сказать. Фашистом могут назвать практически любого политика (и любое государство). То же происходит и с понятием «террор». Да и трудно было ожидать иного, – настолько он основательно вошел в нашу жизнь.

ХАМАС. Фото: Getty Images

Интерес к осмыслению террора вызван еще и постоянным его присутствием где-то совсем рядом – не только в повседневной реальности Израиля, США, России, Англии или Испании, но и непосредственно в жизни моей семьи. Оказалось, что террор может добраться до нас в самых неожиданных местах – на концерте мюзикла «Норд-Ост», куда жена категорически отказалась пойти, устав после перелета. В Домодедовском аэропорту, который племянник покинул за полтора часа до взрыва. В гостях у сестры в Москве на

Каширском шоссе, где на мое счастье и несчастье многих других, взорвался соседний дом. В супермаркете Нетании... Не забудем и Башни-блинецы, где работала жена моего брата, но успела выйти из здания 11 сентября.

«Когда слова теряют смысл – люди теряют свободу». Конфуций.

Определений террора в современной литературе не менее ста. Одни исследователи начинают говорить о терроре с библейских времен, затем, остановившись на зелотах и сикариях, переходят к ассасинам, и «далее везде»! Другие начинают с якобинского террора...

Обилие определений не случайно. Оно вызвано соблазном подвести под это понятие все, что удобно в сегодняшней ситуации и, зачастую, просто зависит от направления взгляда. К примеру, если смотреть на Абдуллу Оджалана с турецкой стороны, то он террорист, заслуживающий смертной казни, а если посмотреть со стороны курдов, то – герой, борец за права обездоленного народа. Так один и тот же человек становится и террористом и борцом за свободу в зависимости от того, как мы относимся к заявленным им целям, одобряем ли его дело или нет. На бытовом эмоциональном уровне очень часто все виды насилия, которые не нравятся, начинают называть террором. Но понятия «нравится-не нравится» – субъективны, они меняются от человека к человеку.

Так что же такое террор?

И почему так важно определить это понятие? Правовая оценка действий зависит от их квалификации. Поколения в России воспитывались на подвиге Александра Ульянова, который, собственно, является обычным террористом, считая его героем... Так получилось, что мнение об отнесении конкретного поступка к террористическим действиям каждый принимает сам, в зависимости от своих взглядов и жизненного опыта. Мешает ли этому отсутствие единого, общего определения?

И да, и нет. Мешает, безусловно, юридической квалификации преступления, но на вопрос «ты знаешь, что такое теракт?», каждый ответит положительно, и отсутствие единого правового определения этому не помеха. Это так же, как определение, к примеру, порнографии – каждый знает, что это такое, но единой формулировки нет.

При таком обилии мнений можно попытаться дать и свое определение террора. Наиболее приемлемым мне представляется определение террора, как «индивидуальные действия отдельного человека или организованной структуры (до государства включительно) по созданию атмосферы всеобщего страха, направленные на людей, не связанных с проблемой, против которой выступает источник террора, с целью навязывания обществу действий или решений в интересах террориста».

Именно всеобщий страх, или назовем его более подходящим термином «ужас», потому что «terror» переводится с латыни, как ужас, есть инструмент для достижения террором поставленных целей. Потому критически важно, что террор наносит удар не против конкретных личностей или структур, а против кого угодно. Именно такое, безадресное насилие способно вселить тот самый всеобщий ужас, в атмосфере которого террор может выставлять свои требования.

Еще одна важная сторона террора: его структура должна взять на себя ответственность за теракт и объявить условия продолжения или прекращения террористической деятельности. Без этого нет террора. Вряд ли это определение удовлетворит всех, но другие определения показались мне менее подходящими.

При таком подходе Катынский расстрел – это страшное преступление, убийство, но не террористический акт, потому что никто не сказал, что это сделали мы, такие-то и такие-то, и предупреждаем, если Вы (кто?) не сделаете то-то и то-то, то мы расстреляем еще 21 тысячу польских офицеров. Точечная ликвидация в Газе командующего военного крыла ХАМАСа Ахмеда Джабари в ноябре 2012 года не является террористическим актом, а ракетный обстрел Ашкелона – это, безусловно, терроризм.

Сами по себе действия, такие, как захват заложников, диверсии, убийства или массовые репрессии, становятся "террористическими" только в случае использования для устрашения общества в целом, причем именно превентивного, и это очень важно. Только превентивное всенаправленное устрашение может подавить волю к сопротивлению, заставить принять требования террористов.

Вот один, сравнительно недавний пример. 11 марта 2004 года в Мадриде настал «День терактов»: 10 взрывов, 193 погибших, 2050 раненых. За этими терактами стояла подпольная исламская организация. Испания погрузилась в траур. Спустя три дня в Испании состоялись выборы, на которых правящая Народная партия потерпела сокрушительное поражение, премьер-министр Хосе Мария Аснар был вынужден уйти в отставку, и пришедшая в результате терактов к власти Испанская социалистическая рабочая партия срочно вывела испанские войска из Ирака.

Это только один из примеров, но их, таких примеров, достаточно много, чтобы увидеть – террор работает, и, следовательно, нигде не исчезнет.

Немного истории

Насилие – постоянный спутник человечества. Усталость от непрерывной войны привела в 1648 году бывших врагов на первый в истории дипломатический конгресс (чем не прообраз ООН?), где был не только заключен Вестфальский мир, но и заложен новый мировой порядок, основанный на государственном суверенитете. Насилие не исключалось, но ему определили рамки – право на насилие было делегировано исключительно государству.

Вестфальский мир (картина Герарда тер Борха (1648 год))

Мы и сегодня, в 21 веке, живем в этой системе, воспринимая насилие со стороны государства, как должное. Нам лишь важно, чтобы это насилие происходило в рамках законодательства, как внутригосударственного, так и международного.

О терроре, как способе управления обществом, после Вестфальского мира забыли на 140 лет, до появления на мировой сцене явления, называемого Великой французской революцией.

10 марта 1793 г. в Париже был создан «Революционный трибунал», некий квази-судебный орган борьбы со всеми, кто «покушался на свободу, равенство, единство и неделимость Республики». Трибунал применял только одну меру наказания – смертную казнь. Так, 1793 год стал годом рождения государственной политики внутреннего террора, предтече многих последователей – от Ленина, Сталина, Гитлера до Пол Пота. Террор, но для чего? Естественно, для достижения всеобщей Свободы, Равенства, Братства всех людей, кроме гильотинированных.

Позже, декретом 10 июня 1794 г. террористическая направленность Ревтрибунала была узаконена. Декрет определил, что «революционный трибунал учрежден для того, чтобы наказывать врагов народа». Знакомый термин? В провинции террор, помноженный на самодеятельность либо чиновников, опасующихся за свою жизнь, либо просто поклонников террора, был не менее активен. В Марселе несколько сот заключенных, членов семей эмигрантов, были затоплены на барже в море. В Нанте до 3 тыс. заключенных потопили в р. Луаре. И это узнаваемо, не правда ли?

Якобинцы якобы мстили за смерть Марата, а большевики, естественно тоже в ответ, но за убийство Урицкого и Володарского. И закончили, в основном, герои террора сходно, пав

жертвой созданной ими же системы – кто на гильотине, кто в расстрельных подвалах Лубянки.

"...пишут, пишут... Конгресс, немцы какие-то... голова пухнет! Взять все, да и поделить..." М. Булгаков

Последующий всплеск терроризма был вызван к жизни промышленной революцией XIX века, усилившей расслоение общества, и, как ни странно, ростом просвещения, стимулировавшего поиски «справедливого» мироустройства. Горячие головы стремились облагодетельствовать всех вообще, как можно быстрее, причем самыми привлекательными способами были самые простые, а потому и самые понятные решения – «взять все, да и поделить...»

В России взрывали или убивали народовольцы, эсэры, они шли в струе общемировых процессов. В 1894 году был убит Президент Франции Сад Карно, в 1897 – премьер-министр Испании Кановас дель Кастильо, анархистом Луиджи Луккени 1898 году в Женеве была заколота заточкой королева Австро-Венгрии Елизавета. В 1900 году в Монце был застрелен анархистом Гаэтано Бреши король Италии Умберто I, а в 1901 г. – застрелен президент США Уильям Мак-Кинли.

Уильям Мак-Кинли (William McKinley) 25-й президент США. Википедия.

У роста терроризма конца 19-го века должна была быть причина. Понятно, что любовь к простым решениям – преодолеть экономическое неравенство с помощью бомбы или пистолета – никуда не делась, но этого недостаточно. Новым фактором стала появившаяся в результате большей доступности образования разночинная интеллигенция, оторванная от привычной социальной среды, обеспечивающая свое существование умственным трудом. Именно она стала катализатором процессов радикализации протестных групп, как

для решения политических и социальных проблем, так и для реализации устремлений радикального национализма.

Либеральная интеллигенция и терроризм

Парадоксально, но культурный, либерально настроенный человек, интеллигент, склонен сочувствовать террористам априори. Это кажется странным на первый взгляд, но только на первый. Его интеллигентность привносит стремление разобраться с проблемами мироустройства и того общества, в котором он живет. Осмысления обычных, повседневных проблем о хлебе насущном ему недостаточно. Появляется стремление понять оппонента без «упрощения», уйти от стереотипов и выработать собственное мнение. Но мир скроен из недостатков, из того, чего хотелось бы избежать. Понимание этого обычно приводит интеллигенцию к диссидентам.

"Интеллектуальные силы рабочих и крестьян растут и крепнут в борьбе за свержение буржуазии и её пособников, интеллигентов, лакеев капитала, мнящих себя мозгом нации. На деле это не мозг, а говно". В. И. Ленин (Из письма к Горькому 15 сентября 1919 года)

Интеллигенция, как правило, законопослушна, но, в силу вышеизложенного, понимает и поддерживает легитимные требования, направленные на искоренение всевозможной несправедливости, с пониманием относится к протестным движениям разного направления: за равноправие женщин, сексуальных меньшинств, защиту китов, запрещения испытаний препаратов на животных, за вообще все, где усматривается несправедливость. Если/когда протестные движения радикализуются, то в большинстве своем интеллигенция перестает принимать в них непосредственное участие, но неприемлемость форм и методов радикальной борьбы в личном плане сохраняет все же ощущение определенной «внутренней правоты» протестующих, отстаивающих свои права в борьбе с «бездуховной цивилизацией», ставит интеллигенцию на сторону «униженных и оскорбленных» как минимум в моральном плане.

Но и террористы обосновывают свои действия теми же благими аргументами – защитой униженных и оскорбленных. «Конечно, их методы неприемлемы, но ведь это во имя благой цели...»

Профессор Холмс и терроризм

Недавно покинувший этот мир профессор Холмс (Roger W.Holmes), заведующий кафедрой философии в Маунт Холиоук Колледже, оставил нам в наследство свои мысли по поводу терроризма в книге «Терроризм, жестокость и ненасилие», но прежде чем познакомиться с его взглядами, давайте обратим внимание вот на что.

Диверсант, прошедший специальную подготовку, изначально нацелен на работу во враждебном окружении. Терроризм же способен существовать лишь при опоре хотя бы на минимальную поддержку и сочувствие общественного мнения, без этого терроризм обречен на скорое поражение. Так было и так будет.

Карло Пиказане.

Карло Пизакане, родившийся с титулом герцога Сан Джовани, автор теории «пропаганды действием», вдохновившей многих террористов последующих эпох, решил реализовать свои идеи на практике. 25 июня 1857 года он во главе отряда из 20 человек захватил тюрьму на острове Понца и освободили около 300 заключенных, и уже с ними захватил городок Сапри. Но «пропаганда действием» не оказала должного влияния на местное население, которое на следующий день уничтожило весь отряд. Правда Луиджи Меркантини написал хрестоматийное стихотворение «Сборщица колосьев из Сапри» – «Их было триста, они были молоды и сильны — и они погибли!», но это Пиказани помогло мало.

Спустя 110 лет, в ноябре 1966 года Эрнесто Че Гевара проводил «пропаганду действием» в Боливии. Бойцов у него было меньше, чем у Пиказане – «Армия национального освобождения Боливии» насчитывала около 50 человек. К сожалению Че, боливийские угнетенные крестьяне оказались не более подвержены пропаганде, чем итальянские. Итог его борьбы не сильно отличался от итогов Пиказане.

Плохо террористу без поддержки населения. К сожалению, нужно отметить, что во все времена они не испытывали недостатка ни в поклонниках, ни в доверенных лицах. Легенда, что террорист – это просто человек, не закосневший в равнодушии, жертвующий собой ради справедливого дела, удивительно живуча.

Послушаем профессора Холмса: «Непонятно, почему логика, используемая для оправдания убийства невинных граждан при ведении военных действий, — а считается что именно это полезно, необходимо или неизбежно для достижения избранных целей, — не годится для того, чтобы оправдать их убийство в террористической войне».

Для профессора все просто, он легко приравнял «полезно» с «неизбежно», и пошел дальше: «Террористы не воюют в конвенциональной войне, потому что у них нет армии». То есть, если нет армии, то вполне легитимно (по Холмсу) взорвать дискотеку или обстрелять школьный автобус. Пример Холмса демонстрирует некоторую притягательность терроризма, естественно, при рассмотрении с безопасного расстояния. Холмс пытается убедить читателя, что террорист, как личность совсем не хуже, а гораздо лучше солдата в форме – террорист убивает в силу убеждений, а солдат просто в силу приказа, не понимая, чего ради это нужно делать. На том основании, что и террорист и солдат могут убивать, Холмс ставит между ними знак равенства, явно предпочитая террориста.

Что же делать (по Холмсу)?

Для начала, считает Холмс, необходимо вступить в общение с террористами, вместо того, чтобы отказаться вести с ними дела, так как у них, у террористов, могут быть свои резоны. Далее необходимо признать, что террористы – это совсем такие же люди, как и мы с Вами, просто взявшиеся решать то, что мы перекладываем на других.

Нужно отметить, что Холмс пишет: «Это совершенно не значит, что какая-то или, тем более, большая часть их действий оправдана». Но там же: «Они не чудовища и недочеловеки, на которых нужно обрушить праведный гнев цивилизованного человека. Часть нашей ответственности заключается в том, чтобы попробовать понять, что же все-таки ведет их к совершению таких актов, и есть ли какая-то справедливость и в их позициях?»

Нужно ли вспоминать профессора Холмса? А может пусть себе покоится с миром?

Он то покоится, но дело его живет. [Вот и работу опубликовали в России не так давно](#), а на Западе она и раньше была достаточно известна – взгляды Холмса находят отклик в размягченных душах западных либералов. Это видно по отношению к двум таким «ярким представителем борьбы за права угнетенных», как ХАМАС и «Хизбалла».

ХАМАС объявлен террористической организацией Канадой, ЕС, Израилем, Японией и США, но Австралия и Великобритания разделили эту организацию на «чистых и нечистых» и причисли к террористическим только военное крыло ХАМАСа. О России и говорить нечего. Дмитрий Медведев, в то время президент России, в мае 2010 г. счел возможным встречаться с главой политбюро Хамаса Халедом Машалем и обсуждать с ним перспективы создания Палестинского государства. Видно Холмса начитался. Слова же МИДа Израиля о том, что «нельзя делить террористов на хороших и плохих по географической принадлежности...» – на Медведева впечатления не произвели.

Ряд западных политических деятелей и журналистов считают, что нельзя считать [ХАМАС террористической организацией в силу победы на выборах в Газе](#), а в Иордании, [Сирии](#) и Египте и Ливане ХАМАС вообще считают «легитимной организацией сопротивления», а не «террористической организацией».

Адвокат Стэнли с интересной фамилией Коэн, представляющий интересы мусульман и палестинских активистов и имамов на уголовных процессах, говорит: "Для большей части

мира ХАМАС не считается террористической организацией, а скорее национально-освободительным движением, участвующие в асимметричной войне низкой интенсивности. Для большей части мира, многих в мировом сообществе, именно Израиль рассматривается как террористическое государство". Поколения коганим, его предков, перевернулись в гробу...

... «Хизбалла» является террористической организацией в США, Великобритании, Нидерландах, Канаде, Израиле, Австралии и Египте. Россия идет своим особым путем, для нее «Хизбалла» – не террористы даже после захвата российских дипломатов в 1985 году, причем дипломата Каткова расстрелял лично террорист Имад Мугния по кличке «Гиена». Точку в многообещающей карьере «Гиены» поставил взрыв в его машине, за который никто не взял на себя ответственность.

ЕС так же не считает «Хизбаллу» террористической организацией. Мало ли что болгарские следователи установили по поводу теракта в Бургасе, совершенного в 18 июля 2012 года! Ну, взорвали боевики «Хизбаллы» пять израильтян и одного болгарина, так ведь у них не только террористические «программы», но еще и образовательные есть. Так Холмс и пишет: «Террористы – это точно такие же люди, как и мы с вами!».

Основные противники признания «Хизбаллы» террористической организацией – ключевые страны Евросоюза, такие как Франция и Италия. У них есть интересы в арабском мире, интересы эти могут пострадать.

11 сентября 2001 года. Фото: Getty Images

Но лидеры этих стран ведь зависимы от электората, как бы население не ополчилось на этих лидеров при очередных выборах. Но опасаться им нечего. Активная часть населения,

хоть и знает, что «цель не оправдывает средства», но все же, все же... Да и "не все так просто"...

Это мрачное обаяние терроризма

Отношение к террористам закладывается с детства. Кто не увлекался героизмом благородных разбойников, в одиночку бросавших вызов мировому злу? Кто не переживал за Овода, Робин Гуда, графа Монте-Кристо? И пепел Клааса стучал в нашем сердце. Они были героями, сражались "за слабых" и формировали наше мировоззрение. А потом пошла иная литература, в которой мечты о «Свободе, Равенстве, Братстве» сочетались со слабым пониманием того, что же такое на самом деле подразумевают эти слова.

Да и кто не мечтал резко ответить на вызов, не подавлять в себе гнев, не подстраиваться? Вот потому террорист, человек «предельного действия» являет собой загадку и вызывает интерес – что это за феномен, «в то время, как я перед простым бытовым хамством пасую?» Вот либералы и лезут в душу террориста, ища там неведомые бездны или вершины духа. Эти изыскания работают на террориста, который не может существовать без паблисити, ему нужна публичность, известность, рекламирование средствами массовой информации. Превращение теракта с подробным рассмотрением ужаса происшедшего в наиболее обсуждаемое событие – это и есть цель теракта. Только так и можно посеять в сердцах общества тот необходимый террористу страх. Некоторые вопросы информационной войны рассмотрены в статье [«Как к штыку приравняли перо...»](#), но, безусловно, не полностью раскрывают тему.

Публичность, в отличие от диверсии, спутник террора. Диверсанта интересует только урон противнику, публичность для него крайне опасна. Терроризм же может существовать только в медийном пространстве, он жив, пока он на первых полосах газет, пока на телевидении ему выделен прайм-тайм... Это не значит, что СМИ сознательно стремятся оказать услугу террористам, но вот тираж..., сборы от рекламы... Все это заставляет СМИ действовать так, а не иначе, стремиться ускользнуть от любого вида цензуры («[Народ желает знать!](#)»), и потому вольно или невольно способствуют успеху террора. Погоня за сенсацией, постоянный аспект деятельности СМИ, оборачивается рекламой террора, причем зачастую далеко не бесплатной.

Теракт – это не только сенсация, но и зрелище, то есть основа существования СМИ, но на этом пути легко перегнуть палку, добиться не столько осуждения террориста, сколько демонстрации беспомощности государства в борьбе с террором, а это (для террориста) дорогого стоит.

Для чего журналисты отправляются в «пасть к дьяволу» брать интервью у Аймана аз-Завахири или бин Ладена? Ради чего погиб Дэниэл Перл? Стремление дать трибуну для выражения мыслей и чаяний лидеру исламской террористической группировки достаточное основание для гибели? Чтобы у них была лучшая возможность разъяснить человечеству, как они будут уничтожать «сионистов и крестоносцев»? Нет конечно, просто ради тиража, сенсации, а пропаганда террористических взглядов – это так, побочный продукт. Все по Холмсу: «Необходимо вступить в общение с террористами»... Только вот терроризм – слишком опасный враг, не стоит забывать об этом в погоне за тиражами. О нем писать надо, жестко, зло, бескомпромиссно.

Но не только писать... Зрители редко отождествляют себя с «положительной» стороной. Причины разные, зачастую самые тривиальные. «Взять, к примеру, неприятности на работе – того и гляди, уволят! Разобраться бы с этим начальником так, как этот обаятельный террорист. А еще его и девушки любят и ни в чем не отказывают...» – вот и улыбается с экрана «голливудская улыбка террора».

Специфика современного терроризма

Превращение терроризма в «глобальный фактор международной политики» или в «глобальную проблему современности» началось с 60-х годов прошлого века.

В чем его особенность, что нового произошло?

Целью боевиков начала прошлого века были те, с кем они отождествляли заявленные проблемы. Мирное население, если и гибло, то в основном случайно. Но именно население, не имеющее отношения к проблеме, стало основной целью террористов в наши дни. Основное значение приобрел не сам факт террора, а сопровождающий его информационный фон. Чем шире развитие средств коммуникации, тем мощнее волна террора.

Крайне важным фактором явилась и выявленная уязвимость инфраструктуры развитых стран. К примеру, выстрели ракетой по Афганистану – завалятся три палатки, будет убит один ишак. Если и не совсем так, то близко к этому. В то же время, критических объектов, чья уязвимость может ударить по большим массам людей, в развитых обществах чрезвычайно много. Это не только Twin Towers, это и туннели под реками и проливами, водохранилища и плотины, самолеты и аэропорты, и многое другое. Развитие технологий созидания так же развило и технологии разрушения и уничтожения, они стали проще, доступнее, дешевле.

Завоевание цивилизации – либеральные ценности, значимость человеческой жизни, ответственность власти перед гражданами – все это так же увеличивает уязвимость общества. Показательно, что в период диктатуры терроризм не поднимает голову. К примеру, баскские террористы ничего не взрывали во время правления Франко.

Терроризм активен на стыке культур и исторических эпох. Наиболее очевидно это видно здесь в Израиле, где среди исламского мира устойчиво живет и развивается Израиль, где взаимодействуют две цивилизации, живущие в разных временах, в разных эпохах...

Победи терроризм!

Несмотря на призывы «понять террориста», правильнее сначала понять самого себя: согласен ли ты на то, чтобы твой мир погиб и на его месте возник тот, который видит в своих мечтах очередной Усама бин Ладен? Если не согласен, то иного выхода, кроме как победить террор, у тебя нет.

Иллюстрация. Азербайджанская марка.

Сделать это непросто. Сложившаяся практика борьбы с террором использует два подхода. Первый (назовем его условно – английский) рассматривает терроризм в качестве разновидности уголовной преступности. Наша цивилизация выработала формы и методы борьбы с преступностью. С учетом международного характера современного терроризма, для реализации этого подхода необходимо налаживать обмен информацией между странами и всевозможное международное сотрудничество, поймать и судить виновных.

Второй способ (назовем его условно – американо-израильский) рассматривает терроризм, как войну, с вытекающими отсюда военными особенностями действий. Израиль с большей или меньшей (как на чей взгляд) эффективностью стремится осуществлять на практике оба этих подхода.

Авторитетный эксперт Дж. Арас (Азербайджан) вообще считает, что мы находимся в состоянии мировой войны (четвертой) с терроризмом. Он пишет: «Четвертая мировая война уже идет, и набирает обороты. Формальной датой ее начала следует считать 11 сентября 2001 г.»

По Дж. Арасу, «начавшаяся Четвертая мировая война представляется обширным и многовекторным процессом, в котором реализуются формулы будущих конфликтов, предсказанных в свое время профессором Сэмюэлем Хантингтоном («глобальное столкновение цивилизаций»), идеологом антиглобализма субкоманданте Маркосом («война между неолиберализмом и человечеством»), бывшим начальником французской разведки графом Александром де Маранш («противостояние между западной цивилизацией и арабо-исламским миром»), Элвином Тоффлером, полковником Джоном Бойдом, многими другими.

В США принято название «Глобальная война против терроризма» (Global War on Terrorism/GWOT), тем самым привнесен искомый подтекст борьбы «добра со злом», но все это терминологические особенности, не затрагивающие сути вопроса.

Четвертая мировая война, война с терроризмом, новое явление в истории. На первый план вышли многочисленные повстанцы, архитекторы «конфликтов низкой интенсивности», негосударственные боевые группы всевозможных толков. Они, естественно, и сами любители повоевать, но делают соблазн «войн по доверенности» чрезвычайно сильным, когда, не желая втягиваться в войну, «Большой брат» использует в своих интересах негосударственные боевые группы, скрытно эксплуатируя их в качестве инструмента «негативной дипломатии». Некоторые государства, например Иран, или саддамовский Ирак и асадовская Сирия делали это явно, но поддержка боевиков, действовавших против «нелюбимого» Каддафи или «нелюбимого сегодня» Асада, ничем, по существу, не отличаются.

Сложно (и возможно ли?) бороться с терроризмом, пока в ходу заявленные в свое время «право народа на восстание» и «право на самоопределение». С помощью этих неоднозначных прав баскские сепаратисты и не террористы совсем, мало ли что там они взорвали, а борцы за самоопределение, и канадская леворадикальная подпольная организация Фронт освобождения Квебека, (ну убили там вице-премьера и министра труда, не в этом дело) – не террористы вовсе, они борются за свои права...

Неоднозначное отношение к всевозможным повстанцам сложилось в период деколонизации, практически легитимизировавшее партизанскую войну, под которую можно подвести практически любые террористические акции. Инерция этого явления до сих пор не преодолена.

8 сентября 2006 года ООН приняла «Глобальную контртеррористическую стратегию» в виде резолюции с приложенным «Планом действий». Уникальность этого документа в том, что ООН удалось преодолеть сопротивление многих членов и принять согласованный документ. То, что государства-члены ООН согласились с тем, что терроризм неприемлем во всех его проявлениях, это, безусловно, положительное явление, ну и намеченные шаги в «Плане действий» – это тоже неплохо. Только вот ожидать от бюрократической структуры, что она займется реальной борьбой с терроризмом – право, не стоит. Признали бы уж «Хизбаллу» террористической организацией, так ведь и это не по силам.

Нам необходимо понять и принять, что война между государствами признана со времен Вестфальского мира, как неизбежное зло, но любое насилие, осуществляемое вне государственных структур независимо от заявленных целей, заведомо преступно. Без этого терроризм не победить.

Для победы над терроризмом нужна консолидация общества, единый, общий взгляд на это явление, развитие сотрудничества на всех уровнях – региональном, международном. К сожалению, пока мы этого не наблюдаем.

Значение силового принуждения для борьбы с терроризмом в наши дни возросло многократно, терроризма иначе не уничтожить. На этом пути действия против террористов могут вступать в противоречие с законодательством различных стран.

Так 10 марта 2013 года газета The NY Times напечатала большую статью на полутора страницах: «A U.S. Citizen, in America's Cross Hairs» – «Американский гражданин под американским огнем». Речь шла о ликвидации в Йемене, в сентябре 2011, американским беспилотником двух командиров Аль Каиды. Их нашли в результате длительной работы разведки, вероятно под руководством Джона Бреннана и уничтожили с личного разрешения президента Обамы. Оба убитых оказались американскими гражданами, и это событие чуть не стоило Бреннану назначения на пост главы ЦРУ.

Г-жа Рита Лазар, 81-го года, рожденная и прожившая жизнь в США, считает, что возможность для американского президента разрешить такое пугает ее больше, чем акт любого «террориста». Активным противником этой акции выступил профессор юридического факультета университета в Хьюстоне Дэвид Доу. Оставим американцев, сами разберутся в этой проблеме.

Нужно понять, что «Законы и обычаи войны» разрабатывались государствами для государств и для применения в противоборстве террором должны быть приведены в соответствие с сегодняшними реалиями. В США это отражено в концепции строительства ВС США Joint Vision 2010/2020, где на первое место в защите национальных интересов выведена борьба с терроризмом и нерегулярными (ассиметричными) войнами, развита концепция «Глобально ориентированных операций».

"...мы живем на Ближнем Востоке, где договариваются с сильными, а слабых не принимают в расчет". Генерал Ифтах Рон-Таль

Именно силового сценария в решении проблемы терроризма для Израиля придерживается бывший начальник сухопутных войск генерал-майор запаса Ифтах Рон-Таль. На его взгляд необходима стратегия перманентной войны, «которая вынудит ХАМАС постоянно находиться под землей, так, как это вынужден делать шейх Насралла в Ливане. Любая новая инфраструктура в Газе должна быть немедленно атакована».

Слова генерала основаны на израильских реалиях. Недобитые террористы снова и снова поднимают головы. Казалось, что только закончился урок «Облачного столпа», вроде еще должны помнить, да и «Литой свинец», когда ЦАХАЛ стоял в 400 метрах от штаба ХАМАСа... Но коротка память, просто им деньги нужны, а их, если не зарабатывать, то можно получать за террористическую активность, причем второй вариант привычнее.

Есть достаточно распространенное мнение, что «война против терроризма – это война с бедностью, болезнями, безграмотностью. Это – обновленный в складывающихся условиях потенциал прав и свобод личности, плюрализма, политической толерантности, религиозной веротерпимости».

Все названные проблемы – бедность, болезни, безграмотность совместно с отсутствием политической толерантности – имманентно присущи террористическим режимам, и не нужно обманывать самих себя, говоря о «борьбе с бедностью» в то время, как нужно бороться с режимом. Но конечно, мнение Дж. Араса красивее, приятнее уху, воспринимается лучше. Все, трактующие террор, как вынужденную меру при сложившихся непреодолимых обстоятельствах, с удивительным упорством игнорируют само учение террористов. Только при большом желании можно не увидеть то, что

действия прямо вытекают из идеологии. Мирный и толерантный Иран при правлении аятолл – это нечто вроде травоядного волка, но «блажен, кто верует, легко ему на свете»...

«Диалог цивилизаций» желателен, но для него должны сложиться условия. К сожалению, когда это произойдет, не знает никто...

Приложение:

Терроризм и убийство лорда Мойна.

Уолтер Гиннесс, лорд Мойн, британский политик, министр по делам Ближнего Востока, очень не любил евреев. И Декларация Бальфура ему была не указ, мало ли что там напишет очередной министр. В 1942 году в Палате лордов он произнёс речь, в которой обосновывал, что «(современные) евреи не являются наследниками древних евреев, и (потому) не имеют прав на Святую землю». Не забудем, что он доказывал это во время поголовного уничтожения евреев в Европе. На своем посту он действовал жестко и последовательно, пресекая попытки «ненаследников древних евреев» спастись в Палестине.

Показательна его роль, к примеру, в гибели судна «Струма». Эта 75-летняя старушка «Струма» была зафрахтована румынскими евреями для перевозки их в Палестину. 12 декабря 1941 года, выйдя из румынского порта Констанца, «Струма» достигла Стамбула. Но британцы отказались пустить их в Палестину, а турки в Турцию. Британский посол в Стамбуле Хью Начбулл-Хьюджессен 20 декабря направил в МИД предложение «не перекладывать ответственность на турецкое правительство и позволить беженцам продолжить свой путь в направлении Дарданелл и далее — в Палестину, где они, несмотря на свой нелегальный статус, могли бы получить гуманное обращение». Но начальство в Каире – Гарольд Макмайкл, верховный комиссар Палестины, и Уолтер Гиннесс, министр по делам Ближнего Востока с канцелярией в Каире, были категорически против. Запрещая пассажирам «Струмы» въезд в Палестину, они ссылались на множество формальных причин, в том числе на то, что «беженцы со „Струмы“ не являются „обладателями востребованных профессий“ и потому будут „непродуктивным элементом населения“», и на необходимость «предотвратить проникновение нацистских агентов под прикрытием беженцев».

Гарольду Макмайклу и Уолтеру Гиннессу не помешало то, что с 1941 года остались неиспользованными тысячи сертификатов на въезд в Палестину. Санитарные условия и ситуация со снабжением на переполненном корабле становились всё хуже. Для 20 пассажиров в порядке исключения удалось достигнуть договорённостей, и в феврале 1942 на борту оставались еще 769 пассажиров. Во время переговоров, в ответ на просьбу принять хотя бы детей в возрасте от 11 до 16 лет, турецкие власти распорядились отбуксировать корабль в открытое море, где он и погиб.

"Как же его не застрелить? Его обязательно надо было застрелить". М. Булгаков

6 ноября 1944 года по дороге с работы домой лорд Мойн был застрелен в Каире двумя бойцами «Лехи». Элияху Хаким и Элияху Бейт-Цури были посланы в Египет для слежки

и подготовки акции. Стрелял Элияху Хаким. Вместе с Элияху Бейт-Цури они пытались скрыться, но были арестованы английскими солдатами, предстали перед судом и были повешены 22 марта 1945 года.

Вот такой сюжет. Давайте проверим его на соответствие признакам терроризма:

- Была ли акция направлена на создание атмосферы всеобщего страха?
- Направлена ли она на людей, не связанных с проблемой?
- Стремилась Элияху Хакиму и Элияху Бейт-Цури провести акцию скрытно (диверсия) или привлекали к себе внимание СМИ (террор)?

Источник: <http://protodata.biz/terrorizm-vy-nichego-o-nem-ne-znaetech-2.htm#more-734>